

Время летело быстро. Прошёл почти месяц с тех пор, как Юэ Хунлин ушла. Январь незаметно закончился, наступил февраль. Всё вокруг цвело и благоухало.

Лекарства закончились. Не только «порошок ци крови», который он покупал в городе, но и травы для лечебных ванн. Чжао Чанхэ в последнее время скупал все лекарства, и Фан Бупин, узнав об этом, тоже начал скупать их, так что лекарств не осталось ни в городе, ни в окрестных деревнях.

Что ещё хуже, Фан Бупин, после долгого лечения, наконец-то оправился от ран, которые ему нанесла почтенная Красная Птица.

В последние два месяца Чжао Чанхэ неплохо заработал на «вызовах» идиотов, но он отдал только небольшую часть денег Фан Бупину, чтобы показать, что гора Бэйман всё ещё подчиняется секте Кровавого Бога. Что касается требования Фан Бупина отдать половину — он мог идти лесом.

Но сегодня утром Фан Бупин прислал человека, который нагло потребовал половину ресурсов.

Выздоровев, он снова почувствовал себя сильным и решил выместить на Чжао Чанхэ всё своё недовольство, которое копилось несколько месяцев.

— Главарь Чжао, гора Бэйман всё ещё принадлежит секте Кровавого Бога? Или ты решил отделиться?

— Ха-ха, о чём ты говоришь, брат? Мы все братья из одной секты. Присаживайся, присаживайся.

Посланник смотрел в потолок.

— Заместитель главы Фан сказал, что вы договорились отдавать половину доходов лагеря в его отделение. Но в прошлом месяце вы отдали всего восемьдесят восемь лян. Что это значит? Заместитель главы помог тебе решить проблему с властями, и уже несколько месяцев сюда не приходили солдаты, разве не так?

Чжао Чанхэ усмехнулся про себя. «Не приходили солдаты? А ты думаешь, зачем сюда приходил Цуй Юаньюн? С ним здесь местные власти вообще не нужны — они только и делают, что обслуживают молодого господина Цуя.

Они не трогают меня либо из-за Юэ Хунлин, либо из-за моей личности. Какое тебе до этого дело, Фан Бупин? И это ты навлёк на меня Линь Фэйху!»

Но он не стал говорить этого вслух. Развалившись в кресле, он неторопливо произнёс:

— Мы договорились делить доходы лагеря, но в последние два месяца почти весь доход — это награды за мои победы в поединках. Это мой личный доход, я положил его в общую казну, потому что считаю вас своими братьями и хотел поделиться с вами. Но это не доход лагеря. Восемьдесят восемь лян — это уже много. Спроси любого из моих братьев — правы ли мои слова?

Бандиты, стоявшие вокруг, испуганно переминались с ноги на ногу. Каждый думал о своём.

Глава был прав. Доходы лагеря являлись мизерными и они всё ещё жили за счёт охоты. То, что предложила бывшая жена главаря, только начали сажать, так что урожая ещё не было... Доход лагеря действительно состоял из наград за победы главаря, которые он безвозмездно отдавал в общую казну. Другие разве что помогали рыть ловушки, так что это действительно было «деление добычи».

Глава был отличным парнем, очень щедрым. Но, как говорится, в таких делах не всегда всё решает личность.

Фан Бупин являлся мастером четвёртого уровня Небесных врат и их непосредственным начальником. Кто посмеет открыто встать на сторону Чжао Чанхэ?

Кто-то даже подумал: «Если нет дохода — это потому, что ты не разрешаешь нам грабить! Мы вообще всё ещё бандиты или нет? Что мы тут делаем?»

Эти люди не были крестьянами, которых вынудили стать бандитами. Все они являлись либо бездельниками, либо преступниками. Если бы они хотели честно работать на земле, они бы не пошли в горы...

Посланник рассмеялся.

— И кто из твоих братьев согласится с твоими словами? Ты — главарь лагеря, разве твой доход — это не доход лагеря?

Чжао Чанхэ, видя их лица, улыбнулся:

— Ты прав. Дашань, отведи нашего брата-посланника на склад и отдай ему половину всего, что там есть.

Теперь уже другие люди были недовольны.

Это было их общее имущество, и они отдавали половину просто так. Их сердца кровью обливались. В последнее время никто не осмеливался бросать вызов главарю — откуда же взяться доходу? Если они отдадут половину, им снова придётся голодать.

Но только что никто не поддержал главаря, а что теперь?

Чжао Чанхэ хотел засмеяться, но сдержался и сказал:

— Хорошо, пусть трое... ой, нет, пусть несколько человек позаботятся о нашем уважаемом посланнике. Освободите для него лучшую комнату и приготовьте сегодня вечером жареного барана. Не забудьте оставить баранью ногу для нашего брата. На этом всё, расходитесь.

Сказав это, он, не обращая внимания на недовольные лица, встал и ушёл.

У горного озера вода была чистой и прозрачной. Снег растаял и на деревьях появились новые листья. Цветы и травы благоухали. Дикае гуси возвращались с юга, их крики разносились по небу.

Чжао Чанхэ молча стоял какое-то время, а затем, взяв трёхкаменный лук, не целясь, выстрелил в пролетающих мимо гусей.

Тетива зазвенела. Стрела, словно метеор, пронзила двух гусей и те упали на землю.

Чжао Чанхэ не пошёл за ними. Его зрение было таким острым, что он видел раны на птицах. Это не было просто сквозное ранение: стрела, вращаясь, пробила в них огромные дыры. Кости были раздроблены вдребезги, и вокруг ран клубилась убийственная, кровавая энергия — ша ци.

Его мастерство владения луком достигло совершенства. Его глаза и уши были остры, как никогда раньше. Без повышения уровня внутренней ци дальнейший прогресс был невозможен.

Из-за нехватки лекарственных трав Чжао Чанхэ был вынужден замедлить свой прогресс, и это ещё больше укрепило его решение уйти.

Если ему не хватает ресурсов даже для второго и третьего уровня, что будет дальше?

Посланник Фан Бупина ушёл, но он явно вернётся, чтобы снова создать проблемы. Как сказала Юэ Хунлин, раз уж их судьба закончилась — это знак, что пора двигаться дальше.

Он немного поразмышлял, затем спрятал лук и стрелы за деревом у озера и ушёл.

Несмотря на то, что он чувствовал, что ещё не готов, Чжао Чанхэ решил попробовать прорваться на третий уровень сегодня вечером. Что бы ни случилось — у него был план.

Завтра был праздник «Пробуждение насекомых». Если даже насекомые выбираются из земли — почему дракон должен оставаться в бездействии?

Он вернулся в свою комнату, принял последнюю лечебную ванну, выпил последний отвар, переоделся и медленно встал в странную позу.

На третьем уровне Техники Кровавой Ша больше не требовалось стоять в стойке мабу. Теперь поза напоминала статую Давида, что было довольно неловко. Медленная смена поз вызывала ещё большее смущение... Но это способствовало циркуляции ша ци и проникновению ци крови из сосудов и мышц в кости и внутренние органы.

Когда ша ци распространится по всему телу, Техника Кровавой Ша будет считаться освоенной. Юэ Хунлин была права — это действительно оказалась мощная техника. Немногие внешние техники позволяли тренировать кости и внутренние органы.

Но чем выше уровень, тем больше ци требовалось, и... тем сильнее была боль.

Он чувствовал, как ша ци бурлит в его крови, проникая в кожу и распространяясь по мышцам... Постепенно нарастала боль. Кровь кипела, разум затуманивался, и ему хотелось разорвать всё на своём пути. Выплеснуть свою ярость и боль.

Чжао Чанхэ знал: если кто-то увидит его сейчас, то заметит красные глаза и поймет, что он похож на дикого зверя, готового к нападению.

Пока его разум ещё не был полностью поглощён яростью, он активировал технику Ся Лунъюаня. Прохладная ци поднялась от промежности к сердцу, а затем к голове, поддерживая ясность его разума.

Но чем яснее оказывался его разум, тем сильнее он чувствовал боль. Ярость Техники Кровавой Ша в каком-то смысле позволяла игнорировать или выплёскивать физическую боль — нужно было только перестать быть человеком...

Чжао Чанхэ, конечно, не хотел этого.

Нити истинной ци текли из даньтяня по меридианам, распространяясь по костям и облегчая боль.

Как раньше, когда ему помогала Ся Чичи, так и сейчас, когда он использовал технику Ся Лунъюаня, внутренняя ци только облегчала побочные Эффекты техники Кровавой Ша, но не устраняла их полностью. Единственным способом полностью избавиться от боли были пилюли Усмирения Крови, которые дал ему наставник Сунь — но Чжао Чанхэ ни разу их не использовал.

Если бы он начал полагаться на них, то потерял бы контроль над собой.

Внутренней ци было достаточно, чтобы облегчить боль... Разве настоящий мужчина не может вытерпеть немного боли?

Сквозь пелену боли он услышал шум снаружи. Кто-то стучал в дверь, но Чжао Чанхэ был слишком сосредоточен на прорыве, чтобы обращать на это внимание.

Он не знал сколько времени прошло. Он чувствовал, как пот пропитал его одежду, но ша ци всё ещё не могла прорваться через последний барьер.

Совсем чуть-чуть.

Сколько бы он ни пытался, ему не хватало сил.

Не хватало ци, лекарств, времени.

Он не был гением, отмеченным небесами.

— Еб*ная срань! — Чжао Чанхэ в ярости открыл глаза и пнул ногой бочку с водой для ванны. Вода разлилась по полу, ознаменовав его неудачу.

— Главарь, главарь! — закричал кто-то снаружи, услышав шум. — Главарь, ты наконец-то очнулся...

Чжао Чанхэ тяжело дышал.

— Что случилось? — спросил он сердито.

— Кто-то ночью проник в лагерь и попал в ловушку... Но противник очень хорошо владеет мечом. Мы уже полчаса не можем его схватить...

<http://tl.rulate.ru/book/102553/5444927>